

Н. Долинина

## Накануне...

А в Москве — свои горести, свои радости: Ростовы получили письмо от Николушки. Старый граф рыдает и вместе смеется; Наташа в восторге, Соня бледнеет и слышит только: он был ранен, Наташа утешает ее; Петя гордится братом, получившим орден за участие в сражении.

Графине нельзя так, сразу, вдруг сообщить известие, ее нужно подготовить — это делает Анна Михайловна Друбецкая, незаменимый друг, — и она же находит способ послать Николаю письма и деньги на адрес Бориса, чтобы они дошли верно и быстро.

И вот Николай Ростов врывается в чистую квартиру, занимаемую Борисом Друбецким вместе с Бергом.

«Ах вы, полотеры проклятые! Чистенькие, свеженькие, точно с гулянья, не то что мы грешные, армейщина, — говорил Ростов с новыми для Бориса баритонными звуками в голосе и армейскими ухватками...»

На затасканной куртке Ростова — новенький Георгиевский крест за Шенграбен. И свою подвязанную руку он показывает с гордостью...

Встретились друзья детства — всего полгода, как они расстались. Но полгода — огромный срок для людей их возраста, и оба они не только изменились, но стали чужими друг другу. На все, о чем ни заходит разговор, они смотрят по-разному. Николай, скомкав, бросает под стол рекомендательное письмо к Багратиону; о службе адъютанта он отзывается: «Лакейская должность!»; о Берге спрашивает с презрительной улыбкой: «Ну, что эта немчуря?» — и только услышав ответ Бориса: «Очень, очень хороший, честный и приятный человек» — понимает, что друг детства думает иначе, чем он.

Ростовы — все — живут не головой, а сердцем. Когда Николай в начале Шенграбенской битвы думал: «Ну, попадись теперь кто бы ни был» — и когда позже он бежал к кустам, он оставался сыном своей семьи, живущей по законам чувства. Это добрая и честная семья, поэтому Николай преодолет дурное в себе, но много еще предстоит ему ошибаться.

Вот и сейчас, в этом разговоре с другом детства, он, конечно, не стал бы хвастаться, но Борис спросил, где и как Ростов был ранен.

«Ростов был правдивый молодой человек, *он ни за что умышленно не сказал бы неправды*. Он начал рассказывать с намерением рассказать все, как оно точно было, но незаметно, невольно и неизбежно для себя перешел в неправду... Они ждали рассказа о том, как горел он весь в огне, сам себя не помня, как бурей налетал на каре; как врубался в него... И он рассказал им все это».

Борис и Берг доброжелательно слушали неправду, которую рассказывал Ростов, — каждый из них в подобном случае тоже приврал бы. Но «в середине его рассказа... в комнату вошел князь Андрей Болконский».

Как бы мы расставили силы в этой сцене? Перед нами четыре человека: Берг, Борис, Николай Ростов и князь Андрей. Конечно, Ростов и Болконский — очень разные люди, но главное у них общее: оба пошли на войну не за крестиками. Естественно было бы им объединиться против штабных франтиков Берга и Друбецкого.

Все складывается наоборот. Князь Андрей знает, он был при Шенграбене. Он видит, что Ростов лжет, и это ему отвратительно. Борис, со своим талантом приспособившись к людям, мгновенно присоединяется к Болконскому. Все забыто: детская дружба, близость семей — Борису важно только не уронить себя в глазах князя Андрея дружбой с

Ростовым. Один Берг — в стороне: ему все это неинтересно; он, «как и обыкновенно, молчал, когда дело касалось не лично его».

Ростов в этой сцене — завравшийся мальчишка, пристыженный, мучимый поздним раскаянием. Самолюбие его уязвлено, ему представляется один выход — вызвать на дуэль гордого «штабного молодчика». Но князь Андрей холодно и презрительно отвергает его. Он, как всегда, спокойно-рассудителен и умен — но, презирая Ростова за его вранье, он покровительствует Друбецкому — человеку гораздо более лживому!

Ростов так молод, так неопытен, что мы невольно прощаем ему и трусость в бою, и похвальбу перед Борисом. Князь Андрей — другое. Для нас, как и для Пьера, он — образец всех совершенств, он не должен ошибаться. А он не может понять, что в этой чистой комнате ему ближе других Ростов, что не нужно улыбаться Борису Друбецкому.

Ошибки его неизбежны: через многое нужно пройти человеку, чтобы стать мудрым, но и его мудрый отец будет неправ в своей ненависти к Наташе. Никогда не ошибается только Берг, потому что полон собой и другие люди его не интересуют.

А война, между тем, в разгаре — и приближается сражение, память о котором тяжким стыдом ляжет на седую голову Кутузова и на юный лоб Ростова, и на честь всей русской армии.

Может быть, не случайно Толстой именно перед этим сражением показал суетные переживания Ростова и ошибку князя Андрея. Оба они так человечны в своих слабостях, но именно эти человеческие слабости помогут нам понять то, что надвигается на них: позор Аустерлица.

Немногие люди могут вынести на своих плечах тяжкую ношу всепонимания. Таков Кутузов — он один имеет мужество видеть правду: русская армия не готова к решающему сражению с Наполеоном. Но его горькая правда никому не нужна: все окружающие его люди полны одушевления и надежд.

Вот идет смотр русских и австрийских войск — смотр, на котором Ростов, как и вся армия, впервые увидел «прекрасное, молодое и счастливое» лицо императора Александра, услышал его «молодой, ласковый голос»; смотр, после которого все «были уверены в победе больше, чем бы могли быть после двух выигранных сражений».

Император Александр — тот самый человек, который нужен, необходим сейчас почти всем офицерам, чтобы не видеть того, что видит Кутузов, чтобы вопреки правде надеяться на победу, верить в нее.

Толстой не издевается над царем; он старается понять — и нас заставляет понять: царь всего только виновен в том же, в чем многие его офицеры; он занят собой, любит себя, погружен в себя и не хочет видеть правды.

Но и царь расплатится за свою слабость. Многие из его офицеров заплатят жизнью за свои ошибки накануне Аустерлица, царь заплатит тяжелым стыдом. История не прощает людям, когда они поддаются чувству общего обожания, обожествления и под влиянием окружающих сами начинают видеть в себе полубогов.

Один только Кутузов понимает весь трагизм предстоящего сражения и знает, что оно будет проиграно, и просит передать это государю. Но кто будет слушать старого главнокомандующего, повторяющего неприятные речи? Кому интересен этот старик, когда во главе своих войск стоит сам обожаемый молодой император? Одни мечтают «умереть за него», другие хотят отличиться, третьи — выдвинуться и получить награду, четвертые надеются на победу русских войск просто потому, что надо же на что-то надеяться, а час Аустерлица приближается, он неминуем.